

Чжао Шэнгу и Гуань Юань переглянулись. Чжао Шэнгу положил арахис в карман и пошел открывать дверь.

За дверью стоял Гуань Таймин.

— Что вы тут тайком едите?

Гуань Таймин, говоря это, ворвался в комнату, его глаза, как прожекторы, осматривали все вокруг.

— У нас ничего нет, я весь день работал в поле, откуда у меня еда?

Чжао Шэнгу подошел и обнял Гуань Юаня.

— Хм, хотите обмануть меня? Я за дверью слышал, как вы ели. Быстро, давайте сюда, иначе я расскажу бабушке, и она вас накажет.

— Ну и расскажи, но прежде чем ты это сделаешь, я тебя хорошенько отлуплю!

Сказав это, Чжао Шэнгу отпустил Гуань Юаня и сжал кулаки, направляясь к Гуань Таймину.

— Что ты собираешься делать? Смотри, я тебя ударю!

Гуань Таймин говорил это, но сам отступал к двери. Чжао Шэнгу дождался, пока он выйдет, и с грохотом захлопнул дверь.

— Ха-ха!

Гуань Юань смеялся. Гуань Таймин был странным человеком, его ничего не интересовало, кроме еды, и позже он даже стал поваром.

Чжао Шэнгу тоже не мог не смеяться над трусливым Гуань Таймином. Неизвестно, пожаловался ли Гуань Таймин, но никто к ним не пришел. Гуань Юань уже был готов к драке, но она не понадобилась.

Через несколько дней по громкоговорителю объявили, что Гуань Маньку должен пройти месячное перевоспитание, которое будет проводиться каждый день после работы. Все жители деревни должны были участвовать и активно выступать.

Чжао Шэнгу, уже зарабатывавший трудодни, тоже должен был пойти. Гуань Юань настаивал на том, чтобы пойти с ним, и Чжао Шэнгу не смог отказаться, взяв его с собой.

Местом перевоспитания выбрали деревенскую площадку для сушки урожая. Сначала бригадир вышел и строго раскритиковал Гуань Маньку. Затем он дал команду начать, и люди толпой окружили Гуань Маньку.

В этот момент Чжао Шэнгу закрыл глаза Гуань Юаню.

— Сяо Юань, не смотри, все в порядке, я с тобой, не бойся.

Гуань Юань услышал, что его голос дрожит.

Не желая беспокоить Чжао Шэнгу, Гуань Юань прижался лицом к его шее.

— Хорошо, я не смотрю, и я не боюсь, правда.

Слух Гуань Юаня был необычайно острым, и среди криков и угроз он услышал, как Гуань Маньку кричал, как резаный поросенок, а потом его стоны стали слабее.

Перевоспитание длилось около получаса. Когда Гуань Маньцан понес Гуань Маньку домой, тот уже не реагировал на происходящее. Лоб был разбит, из носа текла кровь, а на теле были следы плевков.

Когда они вернулись домой, Ян Сюцуй и Ли Юэчжи разразились громким плачем.

— Мой сын, это вырывает мое сердце, о боже мой...

Ян Сюцуй плакала, вытирая слезы и сопли. Ли Юэчжи, держа руку Гуань Маньку, тоже рыдала.

Гуань Хэ громко крикнул:

— Замолчите! Вы что, недовольны? Если кто-то узнает, вы пойдете на перевоспитание вместе со вторым.

Женщины тут же замолчали, Ли Юэчжи даже отпустила руку Гуань Маньку.

Когда Гуань Маньку пришел в себя, он лежал на кане, стонал от боли, но на следующий день ему пришлось идти на работу, и это была тяжелая работа.

Так прошло несколько дней, и Гуань Маньку больше не мог терпеть. Он упал на землю и умолял Гуань Хэ спасти его.

Гуань Хэ вздохнул:

— Второй, как я могу тебя спасти? Это решение бригады, и оно уже передано наверх.

— Отец, ты не можешь позволить, чтобы меня убили. Отец, я твой родной сын. Давай дадим бригадире деньги...

Гуань Маньку вдруг, кажется, нашел решение.

— Да, дадим бригадире деньги, он ведь тоже жадный. Я видел, как он брал деньги у других, и потом давал им больше зерна. Отец, это сработает.

Когда зашла речь о деньгах, Ян Сюцуй замолчала. Гуань Юань подумал, что Ян Сюцуй тоже странная: она щедро тратила деньги на дочерей, но была скупа с сыновьями.

Как только Гуань Маньку произнес это, Гуань Маньцан и Гуань Маньбу резко отреагировали:

— Второй брат, как ты еще можешь думать о таких грязных методах? Ты брал деньги, а мы ничего не получили, теперь ты попал в беду, и хочешь использовать общие деньги, это несправедливо. Я не согласен.

Гуань Маньбу тоже поддержал:

— Второй брат, просто потерпи, месяц пройдет быстро. Если ты дашь бригадире деньги, мало ли, сколько нужно? Если все деньги уйдут на тебя, как тогда будут жить твои племянники? Я

тоже не согласен.

Гуань Хэ, нахмурившись, подумал и тоже не согласился:

— Второй, просто потерпи, месяц пройдет. Наши деньги нельзя просто так тратить.

Ли Юэчжи, напротив, кричала, что нужно дать деньги, но Ян Фэйфан ее осадил.

Гуань Маньку, видя, что все против него, засмеялся:

— Хорошо, вы видите, что я бесполезен, и спокойно смотрите, как я страдаю, цените деньги больше, чем жизнь. Вы пожалеете об этом!

Сказав это, он скрежетал зубами.

Все подумали, что он просто злится из-за того, что не получил денег. Но Гуань Юань, видя выражение лица Гуань Маньку, подумал, что он действительно что-то задумал.

Вернувшись в комнату, Гуань Юань все еще думал:

— Братец, что дядя задумал?

Чжао Шэнгу равнодушно ответил:

— Пусть делает, что хочет, лишь бы нас не трогал. Смотри, я сегодня снова нашел арахис в поле.

В пространстве Гуань Юаня было все, что угодно, но этот арахис Чжао Шэнгу нашел с большим трудом, и это имело особое значение. Гуань Юань бросился в объятия Чжао Шэнгу, обвив его руками и ногами.

— Братец, ты такой молодец! Я тебя так люблю!

Сказав это, он чмокнул Чжао Шэнгу в щеку.

Чжао Шэнгу засмеялся:

— Я просто нашел арахис в поле, что тут особенного?

— А почему другие не нашли? Только ты нашел, значит, ты молодец.

Гуань Юань наклонил голову, уверенно говоря.

Чжао Шэнгу ткнул его в нос:

— Другие нашли бы, ты бы не узнал, они бы, как я, тайком унесли домой, глупыш.

Гуань Юань был счастлив от ласки Чжао Шэнгу и, даже услышав, что его называли глупышом, только засмеялся. Он еще крепче обнял Чжао Шэнгу.

— Братец, я так счастлив!

— Почему, из-за арахиса?

— Нет, я счастлив, что ты так заботишься обо мне. Если бы не ты, мне было бы очень плохо.

Гуань Юань, лежа в объятиях Чжао Шэнгу, мило жеманился.

— Сяо Юань, я всегда буду защищать тебя, поэтому тебе не будет плохо.

— Угу, я тоже всегда буду с тобой.

С Чжао Шэнгу время для Гуань Юаня летело незаметно, и казалось, что они только начали разговаривать, как уже пришло время спать.

— Ладно, ложись спать, иначе завтра не сможешь встать, когда пойдешь со мной на работу.

Чжао Шэнгу погладил Гуань Юаня по спине и тихо сказал.

Хотя Гуань Юань еще не хотел спать, но Чжао Шэнгу завтра нужно было идти на работу, и без сна ему было бы тяжело, поэтому он послушно закрыл глаза и, вдыхая знакомый запах Чжао Шэнгу, быстро уснул.

Чжао Шэнгу, глядя на Гуань Юаня, который только что смотрел на него, а теперь уже тихо посапывал, не мог не улыбнуться:

— Глупыш.

Ночь прошла спокойно, и на следующий день оба были полны энергии.

Гуань Юань снова пошел с Чжао Шэнгу на работу. Сегодня Чжао Шэнгу сменил поле, и арахиса там, вероятно, не было. Гуань Юань сидел в стороне, думая, как бы подкормить Чжао Шэнгу. После того как они поймали несколько диких животных на горе Сяотунь, прошло уже полмесяца, и каждый день они ели только кашу и один пампушку, и даже сам Гуань Юань чувствовал, что это тяжело.

Гуань Юань оглядывался, ища подходящее место, и случайно заметил, как Гуань Маньку тайком ушел с работы. Вспомнив странное выражение лица Гуань Маньку вчера, Гуань Юань решил проследить за ним.

Гуань Маньку, словно вор, обошел холм и направился в сторону деревни. Гуань Юань, следуя за ним издалека, думал: куда он направляется? Неужели к бригадиру просить пощады?

<http://bllate.org/book/16465/1494698>